

Научная статья

УДК 378.145.3
EDN: NTOECM

СМЫСЛОВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПЕРЕЖИВАНИЯ КРИЗИСА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СРЕДНЕМ ВОЗРАСТЕ

Светлана Вадимовна Майер

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Mayersv@yandex.ru

Аннотация. В статье изложены результаты поискового исследования, направленного на выявление смысло-жизненных ориентаций, обуславливающих кризис профессиональной идентичности личности в среднем возрасте.

Результаты исследования показали, что кризис профессиональной идентичности в среднем возрасте следует рассматривать во взаимосвязи с другими ведущими сферами самоосуществления личности. У большинства испытуемых кризис самореализации проходит на фоне дезинтеграции в других жизненных сферах и проявляется в утрате целостности «Я-концепции», в том числе и положительного образа «профессионального Я», а также – в нарушении временной перспективы жизненного цикла, а именно в разорванности субъективных «прошлого», «настоящего» и «будущего» и утрате образа будущего не только в области профессионального развития, но и во всей жизненной парадигме в целом.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, смысло-жизненные ориентации, кризис профессиональной идентичности, средний возраст

Для цитирования: Майер С.В. Смысловая обусловленность переживания кризиса профессиональной идентичности в среднем возрасте // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 126–136. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/013.pdf>. EDN: NTOECM.

Original article

SEMANTIC CONDITIONALITY OF EXPERIENCING A PROFESSIONAL IDENTITY CRISIS IN MIDDLE AGE

Svetlana V. Mayer

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Mayersv@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of an exploratory study aimed at identifying the meaning of life orientations that cause the crisis of professional identity of a person in middle age.

The results of the study showed that the crisis of professional identity in middle age should be considered in conjunction with other leading spheres of personal self-realization. In the majority of the subjects, the crisis of self-realization takes place against the background of disintegration in other spheres of life and is manifested in the loss of the integrity of the "self-concept", including the positive image of the "professional self", as well as in the violation of the time perspective of the life cycle, namely, in the rupture of the subjective "past", "present" and "future" and the loss of the image of the future not only in the field of professional development, but also in the whole paradigm of life as a whole.

Keywords: professional identity, meaningful life orientations, crisis of professional identity, middle age

For citation: Mayer S.V. Semantic Conditionality of Experiencing a Professional Identity Crisis in Middle Age. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;2(27): 126–136. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/013.pdf>. EDN: NTOECM.

© Майер С.В., 2024

Введение

Практикующие психологи констатируют возрастающий запрос на психологическое сопровождение людей среднего возраста (35–45 лет), потерявших ориентиры профессионального развития, которые испытывают

неудовлетворённость, нереализованность в профессиональной сфере, либо разочарование в совершённом когда-то выборе, а также невозможность определиться с дальнейшей профессиональной перспективой. В широком смысле речь идёт о

профессиональном самоопределении и вопросах идентичности, которые актуализировались в нашей стране в последние десятилетия, в связи с рядом социально-экономических процессов, неизбежно повлекших изменения во всех сферах, в том числе и на рынке труда. Тем временем существующие сегодня в психологической науке исследования на тему профессиональной идентификации посвящены в основном периоду юношества и разным этапам студенчества, когда речь идёт о первом выборе профессии, о самом начале и становлении профессионального пути [1]. Проблематика самоопределения во взрослом возрасте, в частности, в середине жизни, изучена достаточно фрагментарно, хотя очевидно, что профессиональная реализация является одной из ведущих сфер жизнеосуществления взрослого человека и во многом определяет целостность «Я-концепции» личности [2]. Кроме того, рассматриваемый возрастной период – середины жизни – характеризуется совершенно иными, в отличие от юношеского возраста, задачами развития [3]. Несмотря на то, что возраст 35–45 лет является одним из самых продуктивных в жизненном цикле человека, именно период середины жизни рассматривается сегодня в психологии и смежных науках как потенциально наиболее противоречивый, сопровождающийся внутриличностными конфликтами, подразумевающий масштабное переосмысление человеком собственных целей.

Неслучайно, изучая феномен середины жизни, разные авторы называют средний возраст «поиском истинного единства с нашим внутренним "Я"» [4], «перевалом в середине пути» [5]. Ещё К. Юнг, впервые описавший феномен кризиса середины жизни, видел причину переживаний своих клиентов в том, что в этот период сталкиваются имеющиеся, но больше не удовлетворяющие личность, ценности и смыслы [6]. Э. Эриксон связывал кризис середины жизни с потерей продуктивности. Позитивным полюсом развития, по его мнению, в этот период являются самореализация, производительность (Generativity), отрицательным – стагнация (Stagnation), направленность на себя. Проявлениями кризиса в этом возрасте, препятствующим самореализации личности, могут быть неудовлетворенность семейными (близкими) отношениями либо работой [7].

Современные авторы также отмечают сложность переживаемого личностью периода. Е. Л. Солдатова считает, что этот период связан с обращением человека к

своему «Я», с осознанием системы основных жизненных ценностей, а также с пересмотром и определением новых целей. Кризис, по мнению автора, «охватывает многие стороны человеческого бытия, но путь в будущее лежит через обновление, принятие и понимание себя, своего возрастного статуса – окончания молодости. Это важный шаг для осознания необходимости новых целей и определения задач» [8]. В. К. Гвоздецкая характеризует период середины жизни как время трансформации мировоззрения, ценностно-смысловых убеждений и установок [9]. Е. Ф. Присяжная отмечает, что «именно в середине жизни у человека актуализируются все базовые экзистенциальные проблемы (смысл жизни, смерть, одиночество и свобода), в то же время возникают определенные социально-психологические проблемы, сопровождающиеся дезадаптацией, сменой ценностей, изменением социального статуса» [10]. М. О. Алфёрова пишет, что в период середины жизни человек становится перед проблемой формирования новых взаимоотношений с миром, что может приводить к проблемам невротического, профессионального и личностного характера: происходит не только изменение отношения к физической активности, здоровью, внешней привлекательности, образу жизни, но и осознание расхождения между мечтами, жизненными планами и их осуществлением, нередко наблюдается неудовлетворенность достигнутым положением [11]. Л. К. Гаврилина и В. М. Бызова отмечают «внезапность кризиса середины жизни», которая переживается личностью как ощущение утраты молодости, восприятия собственной жизни как никчемной, и предлагают два пути решения: первый путь – саморазвития и самосовершенствования, второй – изменения ценностей, целей и смысла нового этапа жизни. Благополучное решение кризиса, по мнению авторов, возможно при достижении социальной зрелости, ответственности личности за свою жизнь, принятии происходящих изменений, а также в результате продолжения процесса саморазвития личности [12].

Что касается профессионального самоопределения, то это одна из ведущих сфер жизнедеятельности взрослого человека, которая также может подвергаться трансформации в середине жизненного цикла. Э. Ф. Зеер и Э. Э. Сыманюк, в рамках периодизации профессионального развития, выделяют нормативный кризис профессиональной карьеры на стадии вторичной

профессионализации, приходящийся именно на период середины жизни. Наряду с тем, что, по мнению авторов, данный период характеризуется высококачественной и высокопроизводительной реализацией человеком своей профессиональной деятельности, кризис заключается в том, что личность «перерастает» свою профессию, появляется неудовлетворенность собой, своим профессиональным положением, нарастают противоречия между желаемой карьерой и её реальными перспективами [13]. Или, напротив, высокий уровень неопределённости и нарушение процесса профессиональной идентификации могут быть связаны с невозможностью осуществить цели и задачи, которые ставились человеком и были значимы в более ранние периоды жизни.

Отдельного внимания заслуживает феноменология субъективного времени в период середины жизни, так как осознание личностью времени своего существования является одной из важнейших составляющих идентичности в целом [14] – [16]. Близость образов себя в прошлом, настоящем и будущем является одним из показателей интегрированной, позитивной идентичности. К. А. Абульханова замечает, что человек предвосхищает, организует события своей жизни всегда с точки зрения будущего и ему свойственна «временная транспектива» – сквозное видение из настоящего в прошлое и будущее [17]. Понятие «самооценки возраста» предполагает сопоставление личностью своих достижений с ожиданиями, которые предъявляет общество. Это своеобразные нормы и требования для включения в круг определённых социальных ролей. Таким образом, каждой личности свойственна определённая концепция времени, которая конструирует связь настоящего, прошлого и будущего человека и понимание которой является важнейшим элементом общего образа мира [18]. Одним из ведущих признаков рассматриваемого нами возрастного кризиса исследователи называют нарушение тождественности «образа Я» во времени, «разорванность» между субъективными прошлым, настоящим и будущим, что приводит к неспособности человека ориентироваться в своей жизни и связывать в целостную линию свой жизненный путь. Г. Шихи пишет о том, что «диффузия времени является глубокой болезнью, которая начинается с утраты уверенности в будущем и нежелания верить, что есть что-то, к чему нужно стремиться» [19]. Кроме разорванности временной перспективы,

происходит «сужение» психологического будущего [20]. И если в юношеском возрасте ориентир был на будущее, то к середине жизни происходит сокращение личностной перспективы во всех жизненных сферах.

Проведённый теоретический анализ позволяет сделать вывод о том, что кризис на данной стадии носит экзистенциальный характер, детерминирован ценностно-смысловой сферой жизни личности и может быть вызван как нереализованностью тех задач, которые ставились в юношеском возрасте, так и переосмыслением целей, обязательств, поиском новых смыслов во всех сферах самоосуществления человека. Следовательно, и кризис профессиональной реализации в данный период развития необходимо рассматривать во взаимосвязи со всеми аспектами идентификационных процессов личности. Признаками кризиса середины жизни, в том числе и в области профессиональной реализации, будут являться рассогласование в ведущих сферах жизнедеятельности личности, нарушение целостности «Я-концепции», временной перспективы личности, утрата образа позитивного «будущего».

В качестве гипотезы поискового исследования выступило предположение о том, что кризис профессиональной идентичности в среднем возрасте является одной из составляющих кризиса личностной идентичности, характеризуется дезинтеграцией в ведущих сферах самоосуществления и обусловлен структурными компонентами смысложизненных ориентаций личности.

В этой связи целью данного исследования являлось выявление и характеристика взаимосвязи смысложизненных ориентаций с проявлениями кризиса профессиональной идентичности в среднем возрасте.

Методы

В исследовании использовались следующие методики: методика исследования личностной идентичности Л. Б. Шнейдер (МИЛИ), опросник «Личностная и социальная идентичность» (ЛиСИ) А. А. Урбанович; методика М. Куна и Т. Макпартенда «Кто Я?»; тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева (реконцептуализация А. В. Серого, А. В. Юпитова). Выборку составили 40 человек в возрасте от 35 до 45 лет (средний возраст по выборке – 39 лет), из них 17 мужчин и 23 женщины, 90 % респондентов имеют высшее образование, 10 % – средне-специальное, 83 % состоят в браке, 17 % находятся в разводе. Все они обратились за консультативной психологической

помощью, в связи с переживанием определённого кризиса в профессиональной сфере деятельности. В процессе интервьюирования респонденты описывали состояние, в котором находятся в текущий период жизни как психологический дискомфорт, неудовлетворённость профессиональной самореализацией, непонимание перспективы как профессионального, так и личностного развития. Кроме этого, некоторые участники отмечали сниженный фон настроения, повышение общей тревожности, сопровождаемой чувством усталости, как физической, так и психологической, жаловались на состояние апатии, потерю интереса к жизни. Для кого-то из обратившихся кризис, по их словам, заключается в «поиске новых путей самореализации», «переосмыслении жизненных приоритетов», а для кого-то является «крахом», «утратой не только профессиональной перспективы», но и «потерей смысла жизни» в целом. Поскольку спектр выражаемого респондентами психологического дискомфорта был достаточно широк, целесообразным было провести феноменологическое описание группы по результатам исследования согласно указанным выше методикам.

Результаты

Применение методики исследования личностной идентичности Л. Б. Шнейдер (МИЛИ) позволило определить статусы (уровни развития) личностной идентичности респондентов. Согласно рисунку 1 статус «достигнутой» идентичности, который характеризуется «сформированной совокупностью личностно значимых целей, ценностей и убеждений, обеспечивающих чувство осмысленности жизни, а также стабильной связи с социумом» [21] выявлен лишь у 17,5 % респондентов – это самый низкий показатель по выборке. Непосредственно «кризисная» идентичность или статус «моратория», согласно методике, выявлен у 22,5 % испытуемых – это обозначает, что человек осознаёт состояние кризиса и пытается разрешить его, рассматривая различные варианты и предпринимая какие-либо конкретные действия. «Диффузная идентичность», согласно полученным результатам, свойственна 27,5 % респондентов; данный статус характеризуется неудовлетворённостью собой, своими возможностями, потерей интереса к происходящему в жизни, при котором не имеется прочных целей, ценностей и убеждений и попыток их активно сформировать. Кроме этого, нарушены хронотопы – в будущем и настоящем

существует неопределённость ситуации, бессознательно прошлое как бы «оказывает давление» на настоящее и будущее. При этом попыток изменить ситуацию не предпринимается. И, наконец, самые высокие показатели – 32,5 % – наблюдаются по статусу «псевдоидентичность». Основными характеристиками «псевдоидентичности», по методике Л. Б. Шнейдер, являются: нарушение временной связности жизни, ригидность («Я-концепции»), болезненное неприятие критики в свой адрес, низкая рефлексия. В некоторых случаях «псевдоидентичность» трактуют как «гиперидентичность», указывая на тотальное поглощение человека статусом, ролью, работой, другим объектом или субъектом, при высоко положительном оценивании собственных качеств и нарушении доверительных, гибких связей с социумом, стремлении достичь цели любыми средствами. Не выявлен в группе испытуемых пятый статус – «преждевременной идентичности», который относится к варианту навязанной идентичности и характеризуется тем, что человек вообще не делал жизненных выборов, либо сделанные им выборы продиктованы, навязаны, либо были сделаны согласно социальными установкам.

Итак, учитывая тот факт, что согласно методике МИЛИ все статусы идентичности, кроме «достигнутой», являются условно кризисными, полученные результаты позволили предположить, что большинство участников исследования, действительно, находятся в ситуации неопределённости, разлада с собой и окружающим миром.

Данное предположение подтвердилось и в результате применения методики изучения личностной и социальной идентичности А. А. Урбанович (ЛиСИ), которая используется для выявления первых признаков разлада в ведущих сферах жизнедеятельности человека, в том числе и профессиональной. Опросник содержит следующие шкалы: работа, материальное положение, внутренний мир, здоровье, семья, окружающие, будущее, общество. Каждой позиции соответствуют 12 утверждений. Утвердительный ответ на каждое предлагаемое высказывание оценивается в один балл и в целом повышает показатель личностной и социальной идентичности и характеризует («чувство самотождественности личности») [22]. В процессе применения методики ЛиСи были использованы средние значения, просчитанные для каждого испытуемого по всем шкалам.

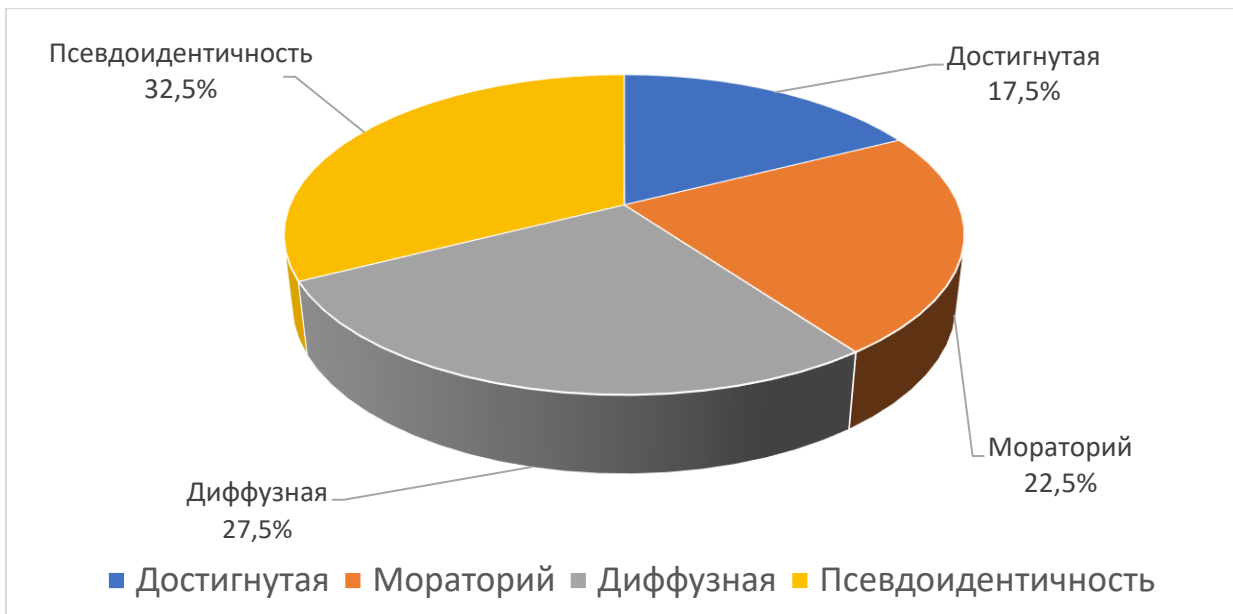

Рисунок 1 – Статусы идентичности по методике МИЛИ Л. Б. Шнейдер

Figure 1 – Identity statuses according to the MILI METHOD L. B. Schneider

Согласно полученным результатам, изображенным на рисунке 2, показатели личностной и социальной идентичности у респондентов оказались ниже среднего практически по всем шкалам методики. Самые низкие значения в группе выявлены по шкалам «работа», «материальное положение», «внутренний мир», «будущее» и

«общество, в котором я живу». В рамках исследования полученные данные показывают, что именно эти сферы являются, с одной стороны, ведущими и определяющими жизненную концепцию личности в среднем возрасте, и в то же время считаются наиболее уязвимыми и подверженным кризисным проявлениям.

Рисунок 2 – Показатели личностной и социальной идентичности по методике ЛиСИ (средние значения)

Figure 2 – Indicators of personal and social identity according to the LiSI method (average values)

Кроме этого, значения ниже среднего по названным шкалам могут свидетельствовать не только о дезинтеграции в ведущих сферах жизнеосуществления, но и указывать на утрату целостности личностной и профессиональной «Я-концепции». Так, например, согласно методике, основные характеристики идентификации по шкале «работа» предполагают «ясное представление о сути своей профессии, её целях и перспективах, соответствие не только материальным запросам, но и собственным интересам и жизненной философии личности, что определяет желание работать в выбранной сфере в течение ближайших 5–10 лет и получать внутреннее удовлетворение от работы, осознавая её социальную значимость» [22]. Все эти показатели в группе испытуемых снижены. Шкала «общество, в котором я живу» демонстрирует удовлетворенность либо неудовлетворенность социальным статусом, в том числе и понимание значимости своей профессии в современном обществе, а также уверенность в своих возможностях для достижения поставленных профессиональных целей. Эти показатели в группе также находятся ниже среднего уровня.

Выявленные по результатам опроса низкие показатели по шкале «будущее» также говорят о неуверенности в своих целях, о нежелании или невозможности построения жизненных и профессиональных планов.

Таким образом, в группе наблюдается рассогласование в главных жизненных сферах жизнеосуществления, которое выражается в отсутствии, либо разрозненности планов и целей на будущее, неудовлетворенности своим социальным положением, в том числе профессиональным выбором, и непонимании необходимых шагов по выходу из кризисной ситуации.

С целью изучения содержательных характеристик «образа Я» респондентов применялась методика М. Куна – Т. Макпартленда «Кто Я?». Отвечая на вопрос «Кто Я?», респонденты указывали роли и характеристики-определения, с которыми они себя соотносят, идентифицируют, то есть с социальным статусом и теми чертами, которые, по их мнению, характеризуют личностные особенности. Переживание кризиса идентичности определенным образом сказывается на том, какие характеристики человек использует при описании себя.

Рисунок 3 – Среднее значение показателей по группе согласно методике «Кто я?» М. Куна и Т. Макпартленда

Figure 3 – Average value of indicators for the group according to the method "Who am I?" by M. Kuhn and T. McPartland

Как видно из рисунка 3, самые низкие показатели выявлены по шкалам методики «Я_коммуникативное», «Я_деятельное», «Я_физическое» и «Я_материальное».

Отдельного внимания заслуживает нулевой результат по шкале «Я_перспективное». Согласно методике «Я_перспективное» включает в себя показатели, которые

характеризуют персональное будущее человека во всех сферах жизни: в семейной, социальной, профессиональной. Что касается рассматриваемой профессиональной сферы деятельности, ни один из респондентов не идентифицировал себя через образ будущего в сфере самореализации. Подобная «блокировка» будущего и «сужение» профессиональной перспективы могут являться признаками кризиса профессиональной идентичности на фоне кризиса личностной идентичности.

Для изучения особенностей смысловой сферы респондентов, осмысленности субъективных прошлого, настоящего и будущего, а также выявления специфики взаимосвязи идентификационных характеристик и смысло-жизненных ориентаций применялся тест СЖО Д. А. Леонтьева в концептуализации А. В. Серого и А. В. Юпитова [23]. Наряду с общим показателем осмысленности жизни (ОЖ), тест включает в себя пять субшкал, отражающих три конкретных смысло-жизненных ориентации: «цели в жизни», (субъективное будущее) «процесс жизни» (субъективное настоящее), «результативность жизни» (субъективное прошлое) и два аспекта локуса контроля: «локус контроля-Я» (Я – хозяин жизни); «локус контроля-Жизнь» (управляемость жизни). С точки зрения А. В. Серого, смысло-жизненные ориентации индивидуума показывают, в каких субъективных временах он живет, как соотносит и оценивает их. При этом смысло-жизненные ориентации представляют собой интернализированные личностью ценности и мотивы, подобное смысловое отношение и определяют особенности субъективной временной перспективы, а именно значение прошлого опыта, осмысленность настоящего и осмысленность будущего. Необходимым условием эффективной индивидуальной жизни является синхронизация временных локусов смысла. Переживание кризиса может привести к тому, что человек в отношении ситуации «наделяет ее не смыслом, но значением, относящимся к одному из его временных локусов, что ведет к фиксации в этом временном локусе, а, следовательно, своеобразному «смысловому десинхронозу» [23]

Тест СЖО применялся в исследовании в двух аспектах: во-первых, как классический анализ показателей смысло-жизненных ориентаций, во-вторых, с целью выявления актуального смыслового состояния (АСС), возможного в случае использования реконцептуализации данной методики, предложенной А. В. Серым и А. В. Юпитовым. Для

выделения типа АСС рассматривались показатели только по трем шкалам: «цели в жизни», «процесс жизни» и «результативность жизни». При определении актуального смыслового состояния высчитывалось процентное соотношение типов АСС в выборке. Перевод результатов теста СЖО в стандартные баллы позволил провести сравнение уровней осмысленности прошлого, настоящего и будущего у респондентов. Высокая осмысленность данных временных модусов диагностируется при 5 и более стандартных баллов по вышеназванным шкалам. Результаты менее 5 баллов соответствуют низкой осмысленности [23].

Полученные результаты указывают на уровень показателей в границах среднего по всем субшкалам методики: общей осмысленности жизни в группе (шкала «осмысленность жизни», средний балл по выборке 5,7); осознанное отношение к построению собственного жизненного пути через постановку целей в будущем (средний балл по шкале «цели» – 5,15); положительную оценку личного прошлого (средний балл по шкале «Результат» – 6,6) и настоящего (средний балл по шкале «процесс» – 4,9). При этом необходимо отметить преобладание в группе показателей по шкале «результат», что может свидетельствовать о некоторой смысловой фиксации участников исследования на своём прошлом опыте.

Исходя из понимания временной дезинтеграции личности как одного из признаков проявления кризиса в среднем возрасте, было сделано предположение о том, что переживание кризиса сопровождается десинхронизацией временных локусов смысла, диагностика которой возможна посредством определения актуального смыслового состояния (АСС). Согласно полученным результатам, у 52 % респондентов преобладают продуктивные типы актуального состояния, характеризующиеся взаимосвязью всех временных компонентов: субъективных прошлого, настоящего и будущего. Вместе с тем у 12 % опрошенных выявлен первый тип актуального смыслового состояния, для которого характерны низкие показатели осмысленности прошлого, настоящего и будущего и как следствие – неудовлетворенность прожитой частью жизни, низкая осмысленность настоящего, отсутствие или непонимание целей в будущем. Личностные смыслы индивида в подобном случае лишены направленности и временной перспективы, что выражается в негативной самооценке,

неудовлетворенности собой, экстернальном локусе контроля поведения. Размытый «локус Я», осознание проблем сквозь призму неудовлетворенности и пессимизма относительно перспектив влекут за собой инертность в принятии решения, отказ от самореализации обуславливает мотивационную направленность «избегания неудач» и ориентацию на «дефицитарные» ценности [24]. Также 16 % опрошенных продемонстрировали 4-й тип актуального смыслового состояния, который характеризуется высокими показателями осмысленности прошлого и настоящего и низкой осмысленностью будущего. Подобное состояние свойственно людям, живущим сегодняшним днём с ориентацией на опыт прошлого при низкой осмысленности целей в жизни; у 7,5 % испытуемых выявлены 6-й и 7-й типы АСС, характеризующиеся

синхронизацией двух временных локусов (соответственно); 6 % респондентов проявили ориентацию на локус смысла субъективного будущего с блокированием смыслов субъективных настоящего и прошлого. Таким образом, наблюдается тенденция рассогласования временных локусов смысла у половины респондентов, что указывает на определенную связь смыслозначимых ориентаций с идентификационными характеристиками личности участников исследования.

Для выявления связи смысловых и идентификационных компонентов переживания кризиса идентичности был проведён корреляционный анализ между показателями методики ЛиСИ и «Кто Я»? Т. Куна и Макпартленда с показателями методики СЖО (реконцептуализация А. В. Серого и А. В. Юпитова).

Таблица 1 – Результаты корреляционного анализа между показателями методики ЛиСИ и «Кто Я»? Т. Куна и Макпартленда с показателями методики СЖО

Table 1 – Results of correlation analysis between the indicators of the LiSI and "Who am I?" methods by T. Kuhn and McPartland with the indicators of the LSS method

Шкалы методики СЖО \ Шкалы методик ЛиСИ и Кто Я?	ОЖ	Цели	Процесс	Результат	ЛК-Я	ЛК-Ж
ЛиСИ работа	0,30	0,34*	0,25	0,30	0,23	0,24
ЛиСИ мат. положение	0,34*	0,33*	0,11	0,50*	0,22	0,31
ЛиСИ внутренний мир	0,33*	0,36*	0,08	0,26	0,37*	0,22
ЛиСИ здоровье	0,40*	0,44*	0,22	0,47*	0,44*	0,17
ЛиСИ семья	0,49*	0,45*	0,23	0,48	0,44*	0,42*
ЛиСИ отношения с окружающими	0,30	0,32*	0,15	0,23	0,18	0,16
ЛиСИ будущее	0,48*	0,45*	0,37*	0,46*	0,42*	0,32*
ЛиСИ общество	0,44*	0,35*	0,29	0,42*	0,45*	0,41*
Социальное Я	-0,30	-0,35*	-0,16	-0,32*	-0,33*	-0,19
Коммуникативное Я	0,004	0,08	-0,004	-0,03	-0,05	-0,05
Материальное Я	-0,04	-0,13	0,05	-0,06	-0,07	0,05
Физическое Я	0,12	0,10	0,09	0,32*	0,05	0,16
Деятельное Я	0,009	-0,07	0,02	0,08	-0,02	-0,01
Рефлексивное Я	0,18	0,23	0,16	0,13	0,11	0,07

* $p < 0,05$

Согласно данным, представленным в Таблице 1, наибольшее количество связей смысложизненных ориентаций выявлено с такими сферами жизнедеятельности респондентов (шкалы методики ЛИСИ), как «здоровье», «семья», «будущее» и «общество». Показатели сферы «работа» имеют прямую корреляцию с «жизненными целями» ($r=0,34$), сфера «материального положения» обусловлена показателями осмысленности «целей будущего» ($r=0,33$), «опыта прошлого» ($r=0,50$) и общей «осмысленности жизни» ($r=0,33$). Сфера «внутреннего мира» респондентов, переживающих кризис, обусловлена целями ($r = 0,36$), общей осмысленностью жизни ($r = 0,33$), локусом контроля «Я» ($r=0,37$). Сфера «здоровье» в данной группе во многом определяется идентификацией себя через осмысленность жизни (0,40), цели (0,44), Локус контроля «Я» (0,44). Определение себя в сфере «семейных отношений» напрямую связано с такими показателями смысложизненных ориентаций как «осмысленность жизни» (0,49), «цели» (0,45), «локус контроля Я» (0,44) и «локус контроля «Жизнь» (0,42). При этом «отношение с окружающими» имеет связь только с показателями «жизненных целей» ($r=0,32$). Наибольшее количество взаимосвязей выявлено в сфере «будущее», показатели которой коррелируют со всеми параметрами смысложизненных ориентаций респондентов, кроме показателя «процесс» (психологическое настоящее). Взаимосвязи также обнаружены со сферой «общество»: «осмысленность жизни» (0,44), «цели» (0,35), «результат» (0,42), «локус контроля Я» (0,45), «локус контроля Жизнь» (0,41).

Поскольку показатели в группе, полученные в результате применения методики ЛИСИ, оказались ниже средних практически по всем ведущим сферам самоосуществления, в том числе и по тем, которые характеризуют профессиональную деятельность респондентов, то выявленные

связи указывают на смысловой характер обусловленности переживания кризиса профессиональной идентичности в данной группе.

Значимые корреляции выявлены и во взаимосвязи идентификационных характеристик, используемых респондентами в тесте М. Куна и Т. Макпартленда «Кто Я»? с показателями смысложизненных ориентаций, полученных в результате использования методики СЖО. Так, «социальное Я» имеет обратную связь с показателями «цели жизни» (-0,35), «результат жизни» (-0,32) и локусом контроля «Я» (-0,33), а «физическое Я» напрямую обусловлено показателем «результат жизни».

Выводы

Проведенное исследование показало, что профессиональную идентичность в среднем возрасте следует рассматривать как один из ведущих структурных компонентов целостной «Я-концепции» личности. Кризис профессиональной идентичности в среднем возрасте характеризуется «деинтеграцией» основных сфер жизни и обусловлен смысловыми характеристиками идентификационной структуры личности. Смысловые аспекты переживания кризиса профессиональной идентичности проявляются в десинхронизации временных локусов смысла и снижении осмысленности субъективных будущего, настоящего и прошлого, что указывает на нарушение тождественности «образа Я» во времени. На следующих этапах исследования планируется расширение выборки, а также уточнение эмоциональных, когнитивных и поведенческих аспектов кризиса. Результаты исследования могут быть использованы для разработки и реализации программ психологической помощи, в практике консультирования, психологического сопровождения профессионального обучения, а также в работе служб профконсультирования и профориентации.

Список источников

1. Утюганов А. А. Нарративные технологии формирования ценностно-смысловых ориентаций личности: психологическое содержание и применение в образовательной практике / А. А. Утюганов, М. С. Яницкий, А. В. Серый Вестник НГПУ. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narrativnye-tehnologii-formirovaniya-tsennostno-smyslovyh-orientatsiy-lichnosti-psihologicheskoe-soderzhanie-i-primeneniye-v> (дата обращения: 21.02.2024).
2. Ермолаева Е. П. Психология социальной реализации профессионала. М. : Институт психологии РАН, 2008. 470 с.
3. Айви А. Е. Психологическое консультирование и психотерапия: методы, теории и техники: практическое руководство / А. Е. Айви, М. Б. Айви, Л. Саймэк-Даунинг. М., 1999. 487 с.
4. Шихи Г. Возрастные кризисы – ступени личностного роста. СПб., 1999. 223 с.
5. Холлис Д. Перевал в середине пути. М. : Когито-Центр, 2016. 202 с.

6. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. СПб. : Питер, 2019. 336 с.
7. Эриксон Э. Детство и общество. СПб. : Питер, 2020 447 с.
8. Солдатова Е. Л. Эго-идентичность в нормативных кризисах развития // Вопросы психологии. 2006. № 5. С. 74–84.
9. Гвоздецкая В. К. Психологические особенности и поддержка взрослых в ситуациях нормативного кризиса зрелости // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2016. Т. 5. № 6А. С. 5–20.
10. Присяжная Е. Ф. Экзистенциальное состояние кризиса середины жизни // Седьмая волна психологии: сборник / под ред. В. В. Козлова, Н. А. Качановой. Ярославль, Минск: МАПН ЯргУ, 2007. 331 с.
11. Алферова М. О. Психологический анализ проживания личностью кризиса среднего возраста: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13/ Алфёрова Маргарита Олеговна. М., 2010. 208 с.
12. Гаврилина Л. К. Кризисы взрослой жизни: моменты роста / Л. К. Гаврилина, В. М. Бызова. СПб. : Речь, 2010. 221 с.
13. Зеер Э. Ф. Эмоциональный компонент в профессиональном становлении педагога / Э. Ф. Зеер, Э. Э. Сыманюк // Мир психологии. 2002. № 4 (32). С. 194–203.
14. Серый А. В. Темпоральные аспекты актуализации смысловых граней субъективных образов переживания кризиса идентичности в период юности / А. В. Серый, Е. М. Вечканова // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3. С. 238–247.
15. Яницкий М. С. Хронотопические характеристики образа мира студентов вузов / М. С. Яницкий, А. В. Серый, Р. О. Балабашук // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2019. № 2. С. 851–859.
16. Мазуркевич А. В. Темпоральные аспекты трансформации ценностной структуры самоидентичности в условиях кардинальных изменений жизненной ситуации / А. В. Мазуркевич, М. С. Яницкий, А. В. Серый // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7. № 3. С. 104–122.
17. Абульханова К. А. Время личности и время жизни / К. А. Абульханова, Т. Н. Березина. СПб. : Алетейя, 2001. 300 с.
18. Андреева Г. М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования: электрон. науч. Журнал. 2011. № 6. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.02.2024).
19. Шихи Г. Возрастные кризисы – ступени личностного роста. СПб., 1999. 222 с.
20. Кроник А. А. Субъективная картина жизненного пути как предмет психологического исследования, диагностики и коррекции: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.13 / Кроник Александр Александрович. М., 1994.
21. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность: структура, генезис и условия становления: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.13 / Шнейдер Лидия Бернгардовна. М., 2001. 327 с.
22. Урбанович А. А. Психология кризисов социальной идентичности личности. Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2005. 228 с.
23. Серый А. В. Применение теста смысло-жизненных ориентаций к диагностике актуальных смысловых состояний (новая концептуализация) / А. В. Серый, А. В. Юпитов // Сибирская психология сегодня: сборник научных трудов. Кемерово, Кузбассвузиздат, 2002. С. 55–72.
24. Серый А. В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 272 с.

References

1. Utyuganov A. A. Narrative technologies for the formation of value-semantic orientations of personality: psychological content and application in educational practice / A. A. Utyuganov, M. S. Yanickij, A. V. Seryj Vestnik NGPU. 2019;1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narrativnyetehnologii-formirovaniya-tsennostno-smyslovyh-orientatsiy-lichnosti-psihologicheskoe-soderzhanie-i-primenenie-v> (data obrashcheniya: 21.02.2024). (In Russ.).
2. Ermolaeva E. P. Psihologiya social'noj realizacii professionala. M. : Institut psihologii RAN, 2008. 470 s. (In Russ.).
3. Ajvi A. E. Psihologicheskoe konsultirovanie i psihoterapiya: metody, teorii i tekhniki: prakticheskoe rukovodstvo / A. E. Ajvi, M. B. Ajvi, L. Sajmek-Dauning. M., 1999. 487 s. (In Russ.).
4. Shih G. Vozrastnye krizisy – stupeni lichnostnogo rosta. SPb., 1999. 223 s. (In Russ.).
5. Hollis D. Pereval v seredine puti. M. : Kogito-Centr, 2016. 202 s. (In Russ.).
6. Yung K. G. Problemy dushi nashego vremeni. SPb. : Piter, 2019. 336 s. (In Russ.).

7. Erikson E. *Detstvo i obshchestvo*. SPb. : Piter, 2020 447 s. (In Russ.).
8. Soldatova E. L. Ego-identichnost' v normativnykh krizisah razvitiya // *Voprosy psihologii*. 2006. № 5. S. 74–84. (In Russ.).
9. Gvozdeckaya V. K. Psychological characteristics and adult support in situations of normative crisis of adulthood // *Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*. 2016. T. 5;6A: 5–20. (In Russ.).
10. Prisyazhnaya E. F. *Ekzistencial'noe sostoyanie krizisa serediny zhizni* // *Sed'maya volna psihologii: sbornik / pod red. V. V. Kozlova, N. A. Kachanovoj*. Yaroslavl', Minsk: MAPN Yargu, 2007. 331 s. (In Russ.).
11. Alferova M. O. *Psihologicheskij analiz prozhivaniya lichnost'yu krizisa srednego vozrasta: dis. ... kand. psiol. nauk: 19.00.13/ Alfeyorova Margarita Olegovna*. M., 2010. 208 s. (In Russ.).
12. Gavrilina L. K. *Krizisy vzrosloj zhizni: momenty rosta* / L. K. Gavrilina, V. M. Byzova. SPb. : Rech', 2010. 221 s. (In Russ.).
13. Zeer E. F. *Emocional'nyj komponent v professional'nom stanovlenii pedagoga* / E. F. Zeer, E. E. Symanyuk // *Mir psihologii*. 2002. № 4 (32). S. 194–203. (In Russ.).
14. Seryj A. V. Temporal aspects of actualization of semantic facets of subjective images of experiencing an identity crisis during adolescence / A. V. Seryj, E. M. Vechkanova // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015;3: 238–247. (In Russ.).
15. Yanickij M. S. Chronotopic characteristics of the image of the world of university students / M. S. Yanickij, A. V. Seryj, R. O. Balabashchuk // *Gercenovskie chteniya: psihologicheskie issledovaniya v obrazovanii*. 2019;2: 851–859. (In Russ.).
16. Mazurkevich A. V. Temporal aspects of the transformation of the value structure of self-identity in the context of cardinal changes in the life situation / A. V. Mazurkevich, M. S. Yanickij, A. V. Seryj // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2017. T. 7;3: 104–122. (In Russ.).
17. Abul'hanova K. A. *Vremya lichnosti i vremya zhizni* / K. A. Abul'hanova, T. N. Berezina. SPb. : Aletejya, 2001. 300 s. (In Russ.).
18. Andreeva G. M. On the issue of identity crisis in the context of social transformations // *Psihologicheskie issledovaniya: elektron. nauch. Zhurnal*. 2011;6. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 10.02.2024). (In Russ.).
19. Shihi G. *Vozrastnye krizisy – stupeni lichnostnogo rosta*. SPb., 1999. 222 s. (In Russ.).
20. Kronik A. A. *Sub'ektivnaya kartina zhiznennogo puti kak predmet psihologicheskogo issledovaniya, diagnostiki i korrekcii: dis. ... d-ra psiol. nauk: 19.00.13 / Kronik Aleksandr Aleksandrovich*. M., 1994. (In Russ.).
21. Shnejder L. B. *Professional'naya identichnost': struktura, genezis i usloviya stanovleniya: dis. ... d-ra psiol. nauk: 19.00.13 / Shnejder Lidiya Bergardovna*. M., 2001. 327с. (In Russ.).
22. Urbanovich A. A. *Psihologiya krizisov social'noj identichnosti lichnosti*. Minsk: Akademiya MVD Respubliki Belarus', 2005. 228 s. (In Russ.).
23. Seryj A. V. Application of the life sense orientation test to the diagnosis of actual semantic states (new conceptualization) / A. V. Seryj, A. V. Yupitov // *Sibirskaya psihologiya segodnya: sbornik nauchnykh trudov*. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 2002. S. 55–72. (In Russ.).
24. Seryj A. V. *Sistema lichnostnykh smyslov: struktura, funkcii, dinamika*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2004. 272 s. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.04.2024;
одобрена после рецензирования 14.06.2024;
принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted 25.04.2024;
approved after reviewing 14.06.2024;
accepted for publication 20.06.2024.